

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО

Орган Министерства Кинематографии СССР, Комитета по делам искусств при Совете
Министров СССР и Комитета по делам архитектуры при Совете Министров СССР

Год издания XVII

№ 14 (998)

ПЯТНИЦА

29

МАРТА

1946 года

Цена 45 коп.

Чеховский спектакль

«Дядя Ваня» в Ленинградском театре драмы им. Пушкина

Как счастливы бывают и актеры и зрители, когда невидимая преграда настороженного внимания, отделяющая обычно сцену от зрительного зала, вдруг рушится!

И актеры, и зрители подчиняются тогда одному и тому же согласованному движению чувств, и каждое слово, произнесенное на сцене, становится желанным, трепетным и необходимым.

«Дядя Ваня» в театре им. Пушкина—один из таких редких спектаклей. Режиссер и актеры сумели найти верное эмоциональное отношение к событиям и персонажам пьесы.

В этой постановке радует ее светлый и чистый тон, который пронизывает весь спектакль, а не ютится лишь в одних только мечтах Астрова «о будущем» и в монологе Сони «о небе в алмазах». Утверждение Чехова о том, что «вовсе он не мрачно пишет», блестяще оправдывается постановкой «Дяди Вани» в театре им. Пушкина.

Спектакль построен, как прямой ответ на слова Астрова: «...когда я слышу, как шумит мой молодой лес, посаженный моими руками, я сознаю, что климат немножко и в моей власти, и что если через тысячу лет человек будет счастлив, то в этом немножко буду виноват и я». Да, отвечает театр, в том, что жизнь неузнаваемо изменилась, есть доля усилий и Астрова, и дяди Вани, и Елены Андреевны, и Сони. Был труден их путь, все они шли в темноте, но ни страдания, ни ошибки, ни скука жизни не могли заглушить в них жажды новой жизни.

Театр рассказал о хороших людях, которые мучились от того, что хотели стать лучше, чем это позволяла им скучная жизнь. Он воздал им хвалу за их беспокойство, за поиски правды, за то, что не стали они защитниками серой, бескрылой жизни. Отсюда и возникает в спектакле его светлый тон.

Постановщик Л. Вивьен умно и тонко решил сложную творческую задачу. Спектакль свободен от ненужных бытовых мелочей, все в нем направлено на раскрытие мыслей и чувств героев пьесы.

Актер Ю. Толубеев исполняет роль дяди Вани. Рассеянность, небрежный костюм, желчный раздраженный тон. Перед зрителем—человек, занятый одной неотступной мыслью: о жизни, прожитой неверно, не так, как следовало. Но, странно, чем желчнее и язвительнее становится дядя Ваня, тем точнее вы угадываете, что это только самозащита, неуклюжее прикрытие, не позволяющее, как ему кажется, заглянуть людям в его поэтичную и бесхитростную душу.

И вы невольно начинаете ждать, когда же, наконец, обнаружится скрытая в нем сила любви и нежности. И такой момент наступает в сцене с Соней. «Какие слезы? Ничего нет... вздор... Ты сейчас взглянула на меня, как покойная твоя мать. Милая моя... (жадно целует ее руки и лицо). Сестра моя, ...милая сестра моя... Где она теперь? Если бы она знала! Ах, если бы она знала!» И на минуту появляется другой дядя Ваня, отдавший лучшие свои годы, чтобы обеспечить жизнь человеку, в талант которого он верил. И какими бы злыми тирадами ни разражался дядя Ваня, никто ему больше не поверит. И его нелепо растроченная молодость, и поздняя любовь, и поздний бунт, и неотвратимость жизненных обстоятельств, снова усаживающих его за конторку управляющего чужими именами, — все это вызывает

живейший отклик зрительного зала и заставляет проникнуться хорошим, добрым чувством к дяде Ване.

Основная тема спектакля ярко выражена и в очень точной и изящной игре Н. Рашевской, выступающей в роли Елены Андреевны. Елена Андреевна, как и дядя Ваня, обманулась, приняв Серебрякова за человека с умом и сердцем. Она уже поняла свою ошибку и расплачивается за нее длинной чередой безрадостных дней подле капризного, самовлюбленного, ничтожного человека. Подчеркнутой холодностью прикрывает актриса смутение и горе.

Но какой трогательно беспомощной становится она при внезапном объяснении Астрова! «Надо уезжать», — повторяет она за минуту перед отъездом, уже простившись с Астровым, и опускается, обессиленная, на стул. А может быть, он ее не пустит? Но Астров не пытается удержать ее. И она уезжает, потому что не хочет украденного счастья.

Эту же тему,—тему умного человека, несчастного именно оттого, что он умен и талантлив,—разрабатывает Н. Симонов, изображая Астрова. Сильный человек с мягким и звучным голосом, Астров—Симонов любит жизнь. Он работает много, как никто в уезде. Но он не может не видеть, что все его усилия бесплодны. Сколько бы он ни боролся с болезнями, они будут расти и множиться в страшных условиях уездной жизни. Сколько бы ни насаждал он лесов, они будут хищнически вырублены. И поэтому о себе, и обо всем, что он делает, Астров—Симонов отзывается с усмешкой, с грустной усмешкой врача, знающего, что болезнь неизлечима, и все-таки прописывающего лекарство.

Не отсутствие воли и не слабость изображает Симонов в сцене прощания с Еленой Андреевной. Он рыцарственно чуждаковат, его побуждает откатиться от романа восхищение Еленой и нежность к ней.

Безропотную Соню, Соню-Золушку, на которой держится весь большой и нелепый дом, играет Е. Карякина. Дела, мелкие, но неотложные, необходимость выслушивать чужие горести, нянчиться со всеми и всех мирить, не оставляют Соне времени, чтобы вволю поплакать над собственным горем. Ей постоянно приходится сдерживать себя. Наредкость хорош у Карякиной—Сони момент, когда в конце пьесы, проводив Астрова, возвращается она со свечой в руке. На мгновение задерживается она подле карты Африки, которую только что разглядывал Астров. Все, что волнует Соню, — и то, что Астров навсегда ушел из ее жизни, и что потянутся один за другим одинаковые, до ужаса неразличимые, дни, и что есть где-то иная, прекрасная, солнечная жизнь,—все это удается актрисе передать в безмолвной, но предельно выразительной сцене.

Знаменитый монолог о небе в алмазах она произносит, как робкое признание, как самую затаенную и любимую мечту.

Профессора Серебрякова с отличным мастерством показывает Я. Малиutin. До глупости торжественная походка профессора, невыносимы его менторский тон и капризные интонации гения в отставке. Черствость и пустенькое тщеславие сквозят в каждом его слове. Этот острый рисунок роли согласуется в исполнении Малиутина с психологической убедительностью и непринужденностью.

Чудесный, надолго остающийся в памяти спектакль! Он заставляет волноваться и радоваться, при воспоминании о тех, кто когда-то мучительно искал большого, настоящего счастья.